

SPECIFICITY OF TRANSLATION OF SYLVIA PLATH'S POEM "TULIPS" INTO RUSSIAN

Ekaterina V. Barinova

Candidate of Philology, associate professor of Department of Literature and Intercultural Communication

National Research University «Higher School of Economics», Nizhny Novgorod 603155, Russia, Nizhny Novgorod, Bolshaya Pecherskaya str., 25/12.

kbarinova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9678-3086>

Submitted 14.03.2023

Sylvia Plath's oeuvre, with the exception of the novel *The Bell Jar*, is not so well known to the Russian reader, and in this regard, the republication of the collection of her poems in Russian translations is an extremely important event. The article compares the original text of the poem "Tulips" and its translation by Vasily Betaki, published in the Russian edition of Plath's *Collected Poems*. This translation is an example of fruitful "cooperation" between the poet and the translator, which has both its own merits and inevitable losses. Losing the precision and conciseness of the original, the translation partly brings the poem closer to the Russian poetic tradition, making it clearer to the Russian-speaking reader.

Key words: Sylvia Plath's poetry, «Tulips», translation into Russian, «voice».

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Баринова Е.В. Свообразие перевода стихотворения Сильвии Плат «Tulips» на русский язык // *Мировая литература в контексте культуры*. 2023. № 16 (22). С. 63–69. doi 10.17072/2304-909X-2023-16-63-69

Please cite this article in English as:

Barinova E.V. Svoebrazie perevoda stihotvoreniya Sil'vii Plat «Tulips» na russkij yazyk [Specificity of Translation of Sylvia Plath's Poem "Tulips" into Russian]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2023, issue 16 (22), pp. 63–69. doi 10.17072/2304-909X-2023-16-63-69

РУССКИЙ ИНТЕРТЕКСТ В ПОЭМЕ ПАУНДА «THE CANTOS» (ИЗОБРАЖЕНИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В CANTO XVI)

Людмила Викторовна Братухина

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

Loli28@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9577-6228>

Статья поступила в редакцию: 15.05.2023

Статья посвящена анализу фрагмента Canto XVI из поэмы Э. Паунда *The Cantos*, в котором изображаются события русских февральской и октябрьской революций 1917 года. В качестве необходимого контекста приводятся политические взгляды американского автора, а также воспоминания российских и зарубежных очевидцев событий, позволяющие оценить объективность изображения неоднозначных исторических фактов в поэме и кроме того проследить источники, из которых Паунд черпал сведения. Отмечается своеобразие паундовского стиля изложения, нарушающего хронологическую последовательность событий, а также включение событий русских революций в контекст эпохи Первой мировой войны. Делается вывод о критическом отношении Э. Паунда к русской революции, обусловленном его специфическими политическими взглядами.

Ключевые слова: Паунд, Канто XVI, русская революция, республиканизм, Ленин, Первая мировая война, Брестский мир.

Э. Паунд в поэме «The Cantos» (1915–1959) обращается к различным культурным эпохам: так или иначе в произведении представлены Античность, культура трубадуров средневекового Прованса, итальянского Возрождения, эпоха Американской революции и другие. При этом американский поэт использует различные формы интертекста – цитаты, аллюзии, реминисценции из произведений авторов соответствующего периода, исторических документов и т. п. Стиль изложения Паунда нелинеен, в тексте постоянно совершаются переходы от одной эпохи к другой, обнаруживаются их причудливые сочетания. Переводчик, комментатор и исследователь «The Cantos» А. В. Бронников называет подобный метод, сравнимый с монтажом, «идеограмматическим», основанном на том, что «эпизоды присоединяются один к дру-

гому, следуя особой технике авторского видения» [Бронников 2018: 712]. Нам представляется, что в подобном методе отражается иной уровень интертекста, предполагающий в качестве интертекстуальной единицы-претекста всю культурную или историческую эпоху в целом¹.

При всей хаотичности изложения в поэме можно усмотреть хронологическую последовательность в своеобразной «цитации» культурных и исторических эпох. Так, в начальной части поэмы, называвшейся некогда «Набросок 16-ти песен», лирический герой начинает свое странствие за сакральным знанием с Одиссеем (Canto I), затем появляются упоминания провансальских трубадуров (Canto II, IV, VI, VIII, IX), песни с VIII–XI посвящены в основном Сиджизмондо Малатесте и другим итальянским кондотьерам эпохи Возрождения, с Canto XII появляется (в качестве самостоятельного интертекста) современность (упоминаются «набор сенок и анекдотов американской деловой жизни 1920-х годов» [Бронников 2018: 710]), в Canto XIV – среди обитателей «паундианского» ада [Ibid.: 711] упоминаются американец Вудро Вильсон, дважды избранный президентом США в XX в. (1913–1917, 1917–1921), а кроме него ирландцы Пирс и Макдонах, участвовавшие в организации Пасхального восстания в 1916 г. Завершающее первую часть поэмы Canto XVI, интерпретируемое как продолжение песен Ада «the Hell Cantos» [Perloff 2003] или как изображение картины Чистилища [Бронников 2018: 712], посвящено теме Первой мировой войны.

Таким образом, на наш взгляд, можно проследить, как в первых шестнадцати песнях автор постепенно обращается от древнейшей европейской литературной традиции (представленной одной из гомеровских поэм) к современности – культурным реалиям Первой мировой войны и сопутствующих исторических событий, которые можно рассматривать как своеобразные претексты.

Среди прочего современного автору исторического контекста в Canto XVI изображаются революционный для России 1917-й год и тесно связанные с ним события 1918 г. Отметим, что в тексте Паунда события излагаются в обратном хронологическом порядке. Сначала упоминается заключение Брест-Литовского мира в марте 1918 г.: «Looka vat youah Trotzsk is done, e iss / madeh deh zhamefull beace!! / “He iss madeh de zhamefull beace, iss he? / “He is madeh de zhamevull beace? / “A Brest-Litovsk, yess? Aint yuh herd? / “He vinneh de vore» [Pound 1975: 74]. В этом пассаже ошибки обусловлены «простонародным говором, который Паунд имитирует с помощью “русского”² акцента в английском произношении» [Бронников 2018: 712]. Несмотря на искажения слов, имена собственные вполне узнаваемы, а также верно переданы различные точки зрения на спорный как для совре-

менников, так и для потомков шаг большевистского правительства: от признания Брестского сепаратного мира позорным предательством (как, например, считали эсеры, вышедшие из правительства после ратификации мира, представители царской армии (среди них застрелившийся прямо на переговорах В. Е. Скалон, А. А. фон Лампе, Деникин³), а также бывшие союзники из Антанты), до оправдания его практическими соображениями о необходимости прекращения войны (прежде всего позиция Ленина⁴). Более того, у Паунда отражена общая атмосфера разложения в русской армии, предстающая своеобразным прагматическим объяснением Брестского мира: «De droobs iss released vrom de eastern vront, yess? / “Un venn dey getts to deh vestern vront, iss it / “How many getts dere? / “And dose doat getts dere iss so full off revolutions» [Pound 1975: 75]. Также американский автор не обходит вниманием версию о том, что большевики, заключая непопулярный мир, действовали в интересах немецкой стороны: «Un de posch say: / “Aint yeh heard? Say, ve got a rheffolution”» [Pound 1975: 75].

Далее в тексте *Santo XVI* появляется образ некоего оратора-большевика: «There was a man there talking, / To a thousand, just a short speech, and / Then move ‘em on. And he said: / Yes, these people, they are all right, they / Can do everything, everything except act; / And go an’ hear ‘em but when they are through / Come to the bolshevik...» [Pound 1975: 75]. А. В. Бронников в комментариях к этому фрагменту указывает: «В человеке, который *двигал массы*⁵ узнается Ленин» [Бронников 2018: 712]. Действительно, узнается ленинская непримиримость по отношению к временному правительству⁶, высказанная лидером большевиков в знаменитой речи по прибытии на Финляндский вокзал. Образ Ленина, политического оратора, способного воодушевить многочисленные массы людей, мог быть известен Паунду из публикаций газеты «New York Times». Так, например, в номере от 26 ноября 1917, опасаясь со стороны большевистского правительства возможного заключения сепаратного мира с Германией, один из журналистов издания высказался о лидере большевиков так: «Неправда, что Ленин не обещал мира немедленно. Он обещал, и именно поэтому массы пошли за ним. Ленина привела к власти толпа. Его власть зависит от переменчивой толпы, которая ждет от него выполнения обещаний и уже начинает недовольно роптать» [Пантюхина 2017: 101]. В декабре 1917 г. в газете был опубликован очерк бундовца М. Ольгина о Ленине «Вождь большевиков», в котором также подчеркивался его ораторский талант, способный привлечь народные массы [Пантюхина 2017: 103]. После выступления безымянного, напоминающего Ленина оратора в *Santo XVI* изображается другой момент русской революции: «And that got round in

the crowd, / And then a lieutenant of infantry / Ordered 'em to fire into the crowd, / in the square at the end of the Nevsky, / In front of the Moscow station, / And they wouldn't, / And he pulled his sword on a student for laughing, / And killed him, / And a cossack rode out of his squad / On the other side of the square / And cut down the lieutenant of infantry / And there was the revolution... / as soon as they named it» [Pound 1975: 75]. О этом эпизоде февральских событий 1917 г. Паунд, безусловно, узнает из воспоминаний американского журналиста Л. Стеффенса⁷, находившегося в революционном Петрограде: «...out in the great square in front of the Moscow railroad station an infantry officer was trying to command and incite his men to shoot across the open into the -quiet mob. They would not. A student standing by jeered at the officer, who, in a rage, thrust the student through. A Cossack in line on the opposite side of the square saw this; he put spurs to his horse, charged from the ranks, and drawing his sword as he rode, he cut that officer down» [Steffens 1931: 751]. Жесткость обоюдной расправы обуславливает критическую оценку лирическим героем поэмы Паунда того, что скрывается за красивым названием «революция».

В завершение «русского фрагмента» в Canto XVI упоминается еще о некоторых фактах насилия: «And there were some killed at the barracks, / But that was between the troops» [Pound 1975: 75]. Скорее всего, Паунд имеет в виду описанный Р. Вильтоном случай мятежа Литовской гвардии (предположительно, лейб-гвардии Литовский полк): «Some of the men in the Litovsky Guards...had agreed during the night to mutiny and to murder their officers. At early morning parade they turned out as usual and lined up in the barrack-yard. Men who were not on duty meanwhile took their rifles and ensconced themselves at the windows overlooking the parade ground. The officers came out, suspecting nothing. ...Then out of the ranks came several men with their rifles at the charge, and without a word spitted the C. O. on their bayonets, lifting him high in the air. Instantly the men at the windows opened fire on the other officers. Those whom they missed were hunted down and butchered. Very few escaped. One of the survivors told me this dreadful story afterwards» [Wilton 1918: 116].

В целом Паунд изображает события русской революции как кровавую и бессмысленную смуту, полную провокаций: «And you can't make 'em, / Nobody knew it was coming. / They were all ready, the old gang, / Guns on the top of the post-office and the palace, / But none of the leaders knew it was coming» [Pound 1975: 75]. При этом сам Паунд по политическим взглядам – ревностный и радикальный приверженец американской «республиканской политической традиции» [Белькович

2019: 417], которую он пытается возродить в «новых исторических условиях» [Белькович 2019: 418]. Среди важных для в понимании Паунда республиканских ценностей⁸ можно выделить следующие: внимание «к праву и закону как способам борьбы с тиранией» [Белькович 2019: 420], отрицательное отношение к торговым операциям и ростовщичеству, оторванным от подлинных здоровых производительных сил и разлагающих цивилизацию и человека [Белькович 2019: 428], принцип «личной ответственности за общее благо», подразумевающий в том числе и диктатуру во имя общего блага, превосходящий понятие свободы [Ibid: 430], а также принцип социального равенства, помогающий «обывателю преодолеть вековое низкопоклонство перед наследственной британской и французской королевской властью» [Ibid.]. Любопытно, что многое из этого Паунд находит в итальянском⁹ фашизме, но абсолютно не замечает, даже на уровне деклараций, в Февральской и Октябрьской революциях 1917 г. Хотя, например, США в феврале 1917 г. приветствовали временное правительство, раньше всех признав новый политический порядок в России. В принципе многие американцы, очевидцы российских событий, сравнивали их с Американской революцией: «The selfishness of the autocracy had its reflex in the same sort of exalted patriotism that inspired the fathers of the American nation in our Revolution» [Houghteling 1918: XVIII]. Паунд, называя русскую революцию завершением «марксистского цикла» и тем самым признавая за ней марксистскую основу с ее значимостью ценности труда (близкой ему как одной из «здоровых» ценностей), тем не менее ниже критикует большевизм как основанный на архаических пережитках [Pound 1935: 36–37]. В Canto XVI американский автор воспринимает русскую революцию сквозь призму предательского с точки зрения союзников по Антанте соглашения с немцами в Брест-Литовске.

Изображение событий русской революции завершается возвращением к западному фронту Первой мировой войны: «So we used to hear it at the opera / That they wouldn't be under Haig; / and that the advance was beginning; / That it was going to begin in a week» [Pound 1975: 75]. В этих строках отражается финальный этап Великой войны, март 1918 г., когда английские войска, подчинявшиеся до сих пор генералу Хейгу, поступают под начало назначенного командующим объединенными войсками Антанты генерала Фоша, под руководством которого союзные войска и завершили военные действия, вынудив Германию признать свое поражение. Подобное единение союзников для Паунда, еще в 1915 году выступавшего с призывами к более активному участию помощи США Англии и Франции в ведении боевых действий против

Германии, является предпочтительней сепаратных переговоров о мире, коими печально прославилось большевистское правительство.

В *Santo XVI* одним из значимых культурных претекстов выступает эпоха русской революции 1917г. и связанные с ней события 1918 г. Начинается экскурс в историю русской революции с нарушающего союзнические обязанности России факта заключения Брестского мира и прослеживаются истоки этого популистского, по мнению американской прессы, решения большевиков вплоть до расчистившего им путь к власти момента крушения российской монархии в феврале 1917г. Э. Паунд критически оценивает эти события, исходя из своей приверженности к интернационализму «в искусстве» и «в политике» [Materer 1989: 205]. Таким образом, русская революция в *Santo XVI*, являясь одной из составляющих в мозаике современной автору эпохи, становится символом кровавой смуты и одного из ошибочных исторических путей цивилизации.

Примечания

¹ Так например Худoley Н. В. приводит в своей статье «Интертекстуальность и интертекст как феномены художественной коммуникации: теоретический аспект» одно из пониманий категории прецедентного текста: «...в качестве прецедентных текстов могут выступать любые явления культуры, хрестоматийно известные практически всем носителям данного языка, общее достояние нации, элементы национальной памяти» [Худoley 2015: 197]. И. П. Ильин, говоря о постмодернизме, отмечает характерное для него представление о всей человеческой культуре как «сумме текстов», или как «культурном тексте», который «можно прочитать по соответствующим правилам грамматики, специфичным, разумеется, для каждого вида текста, но построенным по аналогии с грамматикой естественного языка» [Ильин 1998: 186].

² Не претендуя на полный обзор всех произносительных особенностей, отметим, что, вероятно, русский акцент можно усмотреть в искажении слов *what – vat, the-de, war-vore*, а также в появлении такого экзотического звука, как [zh] – *zhamefull*. Другие искажения – *youah, madeh, deh, vinneh* – могут быть объяснены имитацией немецкого акцента, показанного Паундом частым употреблением *h* после гласных, что соответствует особенности произношения, свойственной немецкому языку. Кроме того, одно из искаженных слов дается в двух разных вариантах: *zhamefull* и *zhamevull*; последний также отражает немецкое произношение и написание. Таким образом, следует согласиться с М. Перлофф, усматривающей в русском эпизоде *Santo XVI* сочетание акцентов («...a dialogue in imitation-Russian and German accents» [Perloff 2003]). Подобное сочетание можно интерпретировать как намек на связи большевистского правительства с Германской империей и действие в ее интересах, в том числе и при заключении Брестского мира.

³ А. И. Деникин в «Очерках русской смуты» давал такую оценку: «Одни считают Брест-Литовск просто комедией, разыгранной для соблюдения приличий, так как платные агенты германского Генерального штаба, в числе которых

называют Ленина и Троцкого, не могли не исполнить требований своих нанимателей. Другие отказываются признать это преступление, быть может, не столько по доверию к названным лицам, сколько из-за сознания чудовищности самого факта, смертельного стыда и глубокой боли за поруганное национальное достоинство России...» [Деникин 1924: 7].

⁴ «Несомненно, мир, который мы вынуждены заключать сейчас, — мир похабный, но если начнется война, то наше правительство будет сметено, и мир будет заключен другим правительством... Затягивание войны входит в интересы французского, английского и американского империализма... Стоящие на точке зрения революционной войны указывают, что мы этим самым будем находиться в гражданской войне с германским империализмом и что этим мы пробудим в Германии революцию. Но ведь Германия только еще беременна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребенок — социалистическая республика, которого мы можем убить, начиная войну... Конечно, мы делаем поворот направо, который ведет через весьма грязный хлев, но мы должны его сделать. Если немцы начнут наступать, то мы будем вынуждены подписать всякий мир, а тогда, конечно, он будет худшим. Для спасения социалистической республики три миллиарда контрибуции не слишком дорогая цена. Подписывая мир теперь, мы воочию показываем широким массам, что империалисты (Германии, Англии и Франции), взявши Ригу и Багдад, продолжают драться, а мы развиваемся, развивается социалистическая республика» [Ленин 1967: 256].

⁵ В переводе Бронникова данные строки выглядят так: «И человек держал там речь / короткую, для тысяч, двигал массы» [Паунд 2018: 73].

⁶ Реконструируя не сохранившиеся в точности выступления Ленина на Финляндском вокзале (сначала перед почетным караулом, затем перед делегацией Совета рабочих и солдатских депутатов, после – на броневике), К. А. Тарасов определяет как весьма вероятные следующие идеи: провозглашение «необходимость власти рабочего класса», призывы «сбросить Временное правительство, передать власть Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также кончить войну» [Тарасов 2014: 140].

⁷ В принципе подобные эпизоды были типичны для тех дней уличных столкновений «между казаками, рабочими и студентами», как писал атташе американского посольства Дж. Л. Хоутелинг в своей книге «A Diary of the Russian Revolution», опубликованной в 1918 г.: «One of the Embassy staff had heard a student make an inflammatory speech on the Nevsky and had seen an officer shoot him dead, only to be himself killed by an indignant soldier» [Houghteling 1918: 65].

⁸ «Сама поэзия должна была для Паунда стать воплощением республиканских ценностей», приближаясь «к высоким образцам традиционной европейской культуры, цивилизации, “основанной на Гомере”» [Белькович 2019: 426].

⁹ О том, что Паунд усматривает в итальянском фашизме возрождение республиканизма в духе американской традиции, утраченного на родине, свидетельствует целый ряд его комплиментарных высказываний об идеологии и личности Муссолини: «Наследие Джефферсона, Квинси Адамса, старого Джона

Адамса, Джексона, Ван Бюрена обитает ЗДЕСЬ, СЕЙЧАС на итальянском полуострове в начале второй фашистской декады, а не в Массачусетсе или Делавэре» [Pound 1935: 12] (перевод А. Бельковича [Белькович 2019: 417]).

Список литературы

Белькович Р. Ю. Эзра Паунд и республиканская традиция // Литература двух Америк. 2019. №7. С. 414–439.

Бронников А. В. Комментарии к тексту // Эзра Паунд Кантос / пер., вступ. ст и комм. А. В. Бронникова. СПб.: Наука, 2018. С. 702–775.

Деникинъ. А. И. Очерки Русской Смуты. Томъ третій: Бѣлое движение и борьба Добровольческой арміи. Май-октябрь 1918 года. Берлинъ: Издательство «Слово», 1924. 278 с.

Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 257 с.

Ленин В. И. Речи о войне и мире на заседании ЦК РСДРП // Полное Собрание Сочинений В. И. Ленина 5-е изд. - М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 254–257.

Пантюхина Т. В. Октябрьская революция 1917 года в освещении газеты Нью-Йорк Таймс // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. №4. С. 100–105.

Паунд Э. Кантос / пер. А. В. Бронникова. СПб.: Наука, 2018. 881 с.

Тарасов К. А. Встреча В. И. Ульянова (Ленина) 3 апреля 1917 г. на Финляндском вокзале в воспоминаниях // Петербургский исторический журнал. 2014. №1. С. 137–153.

Худолей Н. В. Интертекстуальность и интертекст как феномены художественной коммуникации: теоретический аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. No 11 (61): в 3-х ч. Ч. I. С. 195–198.

Houghteling J. L. A Diary of the Russian Revolution. New York: Dodd, Maed and Company, 1918. 230 p.

Materer T. Ezra Pound on America and World War I // Paideuma: Modern and Contemporary Poetry and Poetics. Vol. 18, No. 1/2. 1989. P. 205–214.

Pound E. Jefferson and/or Mussolini. New York: Liveright, 1935. 132 p.

Pound E. The Cantos of Ezra Pound. London: Faber and Faber. 1975. 802 p.

Perloff M. The search for «prime words»: Ezra Pound as nominalist // Sillages critiques [En ligne], 5. 2003, URL: <http://journals.openedition.org> (дата обращения 02.05.2023).

Steffens L. The autobiography of Lincoln Steffens. New York: Harcourt, Brace and Co, 1931. 920 p.

Wilton R. Russia's agony. New York: E. P. Dutton and Company, 1918. 443 p.

RUSSIAN INTERTEXT IN POUND'S POEM "THE CANTOS" (THE IMAGE OF THE RUSSIAN REVOLUTION IN CANTO XVI)

Ludmila V. Bratukhina

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of World Literature and Culture

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15.

Loli28@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9577-6228>

Submitted 15.05.2023

The article is devoted to the analysis of the Canto XVI fragment from E. Pound's poem *The Cantos*, which depicts the events of the Russian February and October revolutions of 1917. As a necessary context, the political views of the American author are given, as well as the memories of Russian and foreign eyewitnesses of the events, which allow us to assess the objectivity of the depiction of ambiguous historical facts in the poem, and in addition to trace the sources from which Pound drew information. The author notes the originality of the punk style of presentation, which violates the chronological sequence of events, as well as the inclusion of the events of the Russian revolutions in the context of the era of the World War I. The conclusion is made about E. Pound's critical attitude to the Russian Revolution due to his specific political views.

Key words: Pound, Canto XVI, Russian Revolution, Republicanism, Lenin, World War I, Brest Peace.

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Братухина Л.В. Русский интертекст в поэме Паунда «The Cantos» (изображение русской революции в Canto XVI) // *Мировая литература в контексте культуры*. 2023. № 16 (22). С. 70–78. doi 10.17072/2304-909X-2023-16-70-78

Please cite this article in English as:

Bratukhina L.V. Russkij intertekst v poeme Paunda «The Cantos» (izobrazhenie russkoj revoljucii v Canto XVI) [Russian Intertext in Pounds's Poem "The Cantos" (The Image of the Russian Revolution in Canto XVI)]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture]. 2023, issue 16 (22), pp. 70–78. doi 10.17072/2304-909X-2023-16-70-78